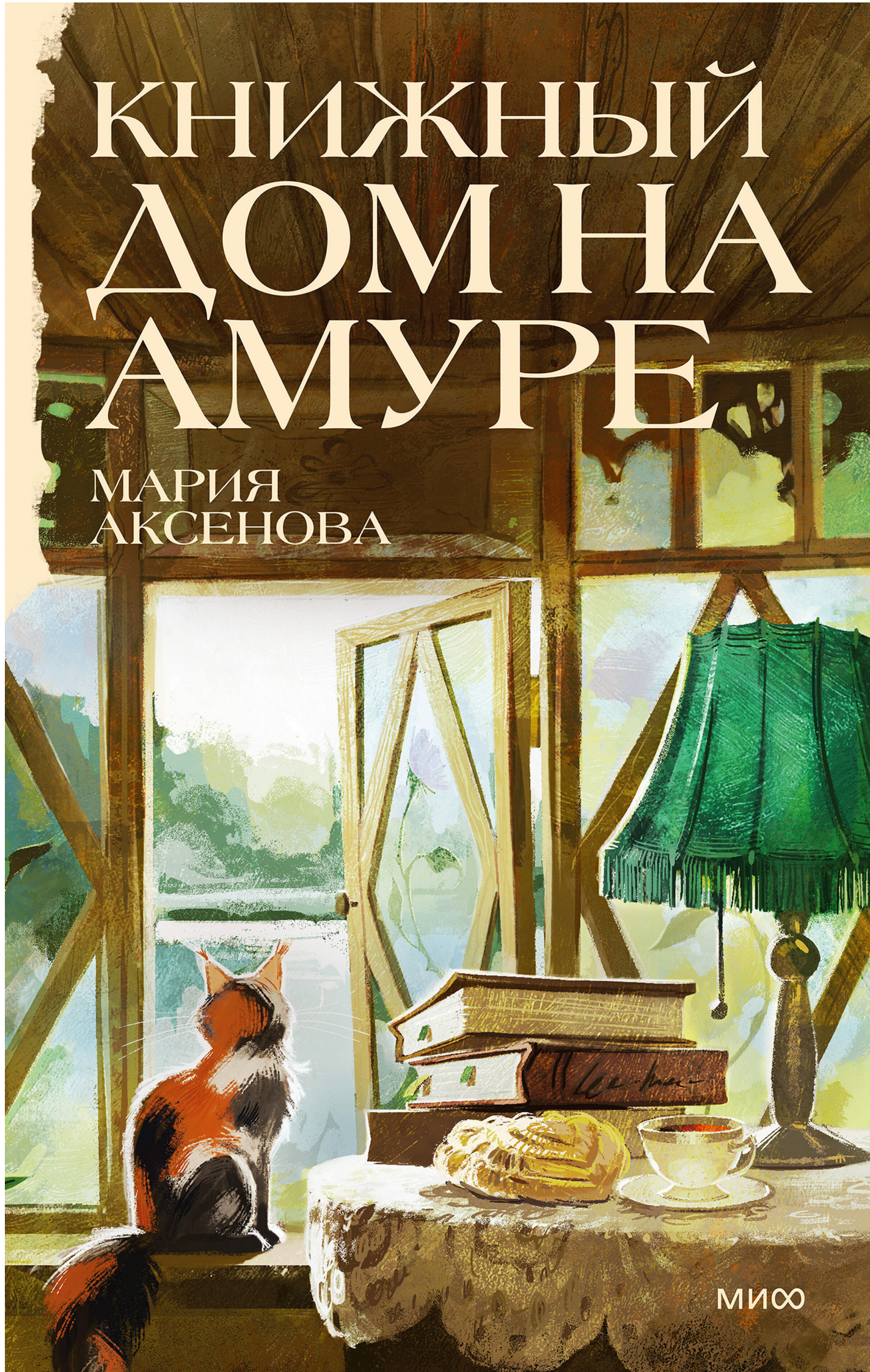

КНИЖНЫЙ ДОМ НА АМУРЕ

МАРИЯ
АКСЕНОВА

МИО

МИФ Проза

Мария Аксенова

Книжный дом на Амуре

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос)6-44

Аксенова М. Ю.

Книжный дом на Амуре / М. Ю. Аксенова — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2026 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-281066-6

После смерти жены угрюмый Леонид Маркович теряет смысл жизни. Надеясь провести оставшиеся годы в тишине, он уезжает в уединенный дом в селе Сагибово Амурской области. Но вместо долгожданного покоя получает навязчивых соседей, забытые книжные шкафы и неугомонного кота. Постепенно Леонид Маркович обживаетеся на новом месте – и сам не замечает, как меняется. Возможно, именно там, где он меньше всего этого ждал, у него появится шанс снова почувствовать вкус к жизни.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос)6-44

ISBN 978-5-00-281066-6

© Аксенова М. Ю., 2026
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2026

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мария Аксенова

Книжный дом на Амуре

Книга не пропагандирует употребление алкоголя и табака. Употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Аксенова М., 2026

© Оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

Людям, слабеющим в пути, но продолжающим идти, посвящается

Глава 1

– Не спи, деда Ёня! Не спи! Просыпайся, просыпайся!

Остро-дребезжащим звоном колокольчика маленький Тарас неистово сотрясал тягучую атмосферу в комнате, старательно распугивал дрему, боролся с хрупкими просветами тишины и покоя. Колокольчиком мог быть и он сам – прыткий, егозливый, нетерпеливый, звонкий.

Мальчонка хитрил и будто нарочно смолкал и замирал, выравнивая и сдерживая дыхание на то время, пока его дедушка потирал морщинистыми пальцами осоловелые глаза, борясь со сном и заковыристыми строчками детской сказки. Дед запинаясь, зевал, повторял потерянное предложение и продолжал монотонное чтение, пока голова его, тяжелея и ослабевая, снова не падала на грудь. А Тарас, принимая последствия старости за забаву, в ту же секунду прерывал дедовы грезы, трезвоня до одури и еле сдерживая смех.

– Да что ж такое, вот же бесенок, – ворчал Леонид Маркович, пытаясь выхватить колокольчик ослабевшими ладонями из цепких детских ручонки. – Ну-ка, дай сюда! И никакой я тебе не Ёня! «Л»! Слышишь? Надо говорить букву «Л». Повторяй за мной, а то так и будешь ее проглатывать.

– Ёня! Ёня! Дед Ёня! – охваченный баловством, мальчик топтал короткими ножками и, дразня дедушку, бегал вокруг его кресла.

Кресло молча наблюдало за резвостью и сопротивлением. Половицы поскрипывали, насмехались, подгоняли, подбадривали ребенка.

– Где ты эту штуку достал? – Не сдаваясь, Леонид Маркович поворачивался то влево, то вправо в попытках ухватить звенящий золотой бутон на длинной фигурной ножке.

– Мама с работы принесла, – заикаясь от смеха, визжал Тарас. – У нее в отеле такими слуг вызывают.

Точно от зубной боли, лицо Леонида Марковича искривлялось всякий раз, когда ситуация намекала на предстоящие подвижные игры. Его и от чтения детской книжки тянуло в дремоту, а озорство внука и вовсе выматывало, отбирало последние силы. Ворочаясь в своем пышном и мягком кресле, узорчатые подлокотники которого давно протерлись и потемнели, Леонид Маркович походил на беззащитного птенца, пересидевшего в гнезде, – такого же сморщенного, неуклюжего, хоть и великоватого для сравнения. Его телодвижения и возгласы были нескладными, резкими и напоминали неожиданные всполохи, хотя по природе своей оставались бесполезными и малоспасительными. Малоспасительной была для него сама жизнь, куда вместо попыток подняться и начать движение он лишь сердито разевал большой морщинистый рот, выкрикивая обиды и замечания. Хотя сам себе в этой борьбе представлялся важным и солидным.

Вся шутка старости в том, что, как только ты поворачиваешься к ней лицом, пусть даже не с распростертыми объятиями, она укутывает тебя так уверенно и туго, будто спеленывает младенца. После выхода на пенсию и смерти жены Леониду Марковичу показалось, что пора движения вперед в его жизни прошла. Он будто остановился, и то неизбежное, что следовало за ним и оставалось на шаг позади, вдруг ухватилось за его поникшие, усталые плечи. Он не следил за питанием, бросил прогулки по набережной, не отвечал на звонки друзей, и их вкрадчивые, осторожные попытки проявить внимание и участие иссякли, сошли на нет. Жизнь Леонида Марковича превратилась в бесконечное унылое и одинокое сидение на месте – в том самом кресле, в котором его жена, ставшая ныне воспоминанием, вязала безразмерные кардиганы, шали в цветочный узор и яркие детские варежки, соединенные меж собой метровой нитью – косичкой, оберегающей вязаную пару от разлуки. Варежки от разлуки спасти проще простого: незатейливая хитрость – и косичка, затянутая на петле-вешалке, их удержит, сохранит, пока не наступит срок и календарь не шепнет радостное: «Быть весне...» Вот только великовозрастным супругам от судьбоносной разлуки не подсобит спастись ни один шерстяной клубок.

Леонид Маркович поддался горю, опустил руки, воспротивился жизни только потому, что не мог принять неизбежное. Старость обвилась вокруг его ноющих суставов, заключила его в свою колыбель, будто кукольного новорожденного. Теперь он не только ничего не хотел, но и не мог.

– Не догонишь, не догонишь!

Тарас усердно тряс колокольчиком, пока не выронил его. Надоедливый инструмент выскользнул из рук, отлетел в сторону шкафа, ударился о препятствие, в последний раз звякнул, будто разбившийся хрусталь, и замолк.

Леонид Маркович хотел было поблагодарить случайность за наступление тишины, мысленно выдохнув хрипящее: «Слава тебе господи», но не успел. Раздался залиvistый пересвист дверного звонка.

– Час от часу не легче. И чего звонить-трезвонить до одури, ключи же имеются, – заворчал он, впихивая ноги в тапочки, не без усилия приподнимаясь и отправляясь открывать дверь.

– Деда, а это кто на фотографии? – Мигом обшарив пол вокруг кресла, под журнальным столиком и нижнюю полку серванта, на которой пылились статуэтки, Тарас отвлекся на черно-белую фотокарточку, уголком вставленную в заглушку стеклянной дверцы. – Это бабушка – я знаю. А кто этот дядька рядом с ней? Похож на тебя, только не такой старый...

– Поставь на место, – рыкнул Леонид Маркович, застыв вполоборота и проводив взглядом неосторожные и торопливые движения детских рук. – Не хватало еще разбить там чего-нибудь. Знаю я вас...

– Мама! Мама! – Тарас запрыгал на месте, позабыв обо всем на свете: и о фотографии, и о колокольчике, и о недочитанной сказке. Беспечность и бесстрашие перед обстоятельствами и преградами – самые прекрасные качества детства. Понять эту жизнь человек еще не пытается, впрочем, разочаровываться и затаивать на нее обиды тоже не успевает.

Тарас небрежно пихнул ладошкой тонкую стеклянную дверцу, заперев маленький хрустально-фарфоровый мирок, и побежал встречать мать. Стекло взвыло, завибрировало от удара и застыло на полутоне, повиснув в воздухе запятой из нижней ля-бемоль.

– Господи, опять в темноте сидите. Окна закупорили, духота какая, – вредные замечания невестки посыпались, как ожидаемые градины из тучного пепельно-синего облака, назревшего к дождю после долгого зноя.

– Здравствуй, Алла, – буркнул Леонид Маркович себе под ноги и, нахмурившись сильнее, побрел обратно. – Забыл к твоему приезду алые дорожки постелить, – ядовито прохрипел он перед собой, будто грубость, сказанная не в лицо, штрафным не засчитывается.

Алла уверенно прошла в комнату, шелкнула выключателем, укоризненно покачала головой, заметив поникшие и высохшие листья бегоний и цикламенов. Прошла дальше – открыла балконную дверь и поставила кухонное окно на микропроветривание. Бездушные стены квартиры тут же ожили: освещаемые тусклым желтым огнем книжные полки, портрет на стене, тонконогий торшер с велюровым абажуром, фарфоровые статуэтки танцовщиц и гармониста в шкафу со стеклянными дверцами и тучный кривоногий комод, на безразмерной вязаной салфетке которого стоял маленький телевизор, – все будто смахнуло пыль с просевших, но еще надежных плеч, позевывая, развернулось лицом к домочадцам и гостям, приятно улыбнулось и отвесило плавный поклон. Поблагодарило, незамедлительно одаривая уютом и теплом. Игривый ветерок проскользнул в комнату, и в ней на мгновение стало легче, просторнее, радостнее, будто сама жизнь впорхнула хрупким мотыльком и аккуратно дотронулась до каждого.

– Тарас, переодевайся, едем домой, – скомандовала Алла, точно заправский физрук гаркнул на непослушного ученика.

«Ей бы свисток, – подумал Леонид Маркович, еле заметно улыбнувшись, – горгона Медуза во плоти».

Он отмахивался от мысли, что виной перевоплощения Аллы в образец строгости и неприветливости стала атмосфера мрака и сопротивления жизни, наступившая по вине хозяйина и окончательно затянувшая эти стены в болото ссор.

– Леонид Маркович, вы документы не искали еще? Опять, наверное, забыли?

Алла окинула старика недовольным и нетерпеливым взглядом. Ее идеальная осанка, длинная шея и острые плечи добавляли какой-то воспитательской строгости образу. Гордо держа голову по линии, плотно сжимая губы, направляя взгляд и не сопровождая его излишними движениями, она была точно одна из тех фарфоровых куколок с хрупкой полки, и неважно, в сковывающих пуантах на узкой ножке или в строгих туфлях на низком каблуке, – она знала, каким должен быть следующий шаг, и не терпела ошибок.

На самом деле, Алла была из тех женщин, которые предпочитают красить волосы в иссиня-траурный и подводить веки черным карандашом. Но голос ее был мягче и глубже, чем ожидаешь, плотнее и бархатистее, непреодолимо облачая всю ее в образец строгости и правильности.

Леонид Маркович нерасторопно вернулся в кресло, поерзал в нем, принимая удобную позу, и невозмутимо шелкнул кнопку на пульте телевизора. Голос диктора зазвучал поверх жутких картин и видео инцидентов краж и разбоя, произошедших в соседних районах. Переключение каналов напоминало русскую рулетку, где играют «шесть из шести» и не остается шансов: боевик, сводка о пропаже детей за последний год; телешоу, которое напоминало зал плача, где публика, объединившись с командой то ли магов, то ли экстрасенсов, обсуждала дело об исчезновении молодых ученых где-то в горах. Мир казался опасным и ненадежным, никому нельзя было доверять.

– Нет, не искал, – помедлив, пробурчал он, не отрывая тяжелого взгляда от экрана. – Завтра поищу.

– Завтра, завтра... Сколько ж можно обещаниями кормить-то! – выругала его Алла. – Риелтор уже два раза нас в расписании переносил. Ради вас же беспокойство. Вы думаете, у меня дел больше нет, ходить уговаривать каждого...

Она хотела вдобавок укорить его за цветы, которые напоминала полить еще в прошлый свой визит, но вовремя остановилась, заметив в маленьком круглом зеркале свое отражение: шея покрылась красными пятнами – то ли от духоты в квартире, то ли от напряжения. Алла решила, что их разговоры с завидной регулярностью стали устремляться в тупик уже с первых фраз. Она взялась помочь сыну завязать шнурки, но с трудом сдерживала гнев и потому нервно дергала яркие завязки, отчего Тарас чуть не валился с ног.

– Я сам. Я сам! – запротестовал мальчик, вырывая из рук матери шнурок и наматывая из него немислимый узел.

В руках пятилетнего ребенка неумелый моток превращался в достижение, а его мать, ослепленная собственными эмоциями и упертостью Леонида Марковича, уже ничего не замечала. Она встала с колен, громко выдохнула стресс, пытаясь вернуться к мирному настрою, который решительно подготавливала, еще стоя за порогом, отряхнула замявшийся подол блузки и начала заново:

– Леонид Маркович, ну вы поймите, – она старательно окрашивала тон своего голоса в теплые краски, будто их встреча перемоталась на начало разговора. – В одиночку в большой квартире вы не справитесь. Да и тоскливо тут стало. Чем больше пространства, тем ощутимее одиночество. Ну ведь уже решили, договорились... Продадим квартиру, купим вам студию к нам поближе.

– Вот же придумали названия, – резкий смешок вырвался кашлем из горла Леонида Марковича. – Что ни чулан, то студия. – Он театрально развел морщинистыми ладонями, опирая локти на высокие подлокотники кресла.

– Дедушка Ёня, ты что, будешь, как Буратино, жить в чулане? – широко распахнув глаза, с неподдельным любопытством спросил Тарас, закрутив второй шнурок в узел, напоминающий капустную завязь.

Мать поспешно одернула мальчика за руку и, приложив указательный палец к губам, показала ему строгое «ш-ш-ш». Тарас широко улыбнулся, но смолк.

– Так, ладно, – выпалила Алла. – Мы поехали. На выходных дела – не ждите. В понедельник дойдете до детского сада, Тараса заберете, хорошо? Я на работе задержусь немного. Леонид Маркович, и документы! Документы – риелтор ждет...

Привыкшая к немногословности и брюзжанию хозяина квартиры, она знала, что последнее слово, как всегда, за ней. Алла взглянула на часы. Нервно перебирая в кармане связку ключей и брелок от машины, она помедлила. Леонид Маркович не торопился выйти к ним в прихожую. Проводы гостей – бессмысленная трата сил, думал он, пусть даже эти гости – его близкие.

– Ладно, на выходных все сделаю, – наконец сообщил он, заверив свое согласие еле уловимым кивком. – Поедом меня одолела своим: квартиру, квартиру... – почти неслышно проормотал он куда-то в светящуюся пустоту между собой и экраном телевизора.

Родные покинули его прихожую, его квартиру, его безмолвную и на посторонний взгляд пустую, но для него наполненную воспоминаниями обитель. Леонид Маркович осторожно встал, заковылял в прихожую и запер дверь на три оборота ключа. Отправился на кухню, где плотно закрыл окно, и вернулся в комнату, захлопнул балконную дверь, задернул шторы и выключил свет. В его маленьком мире вновь воцарились темень и беззвучие. Ни один детский голосок или гул автомобиля больше не тревожил его квартиру сквозь открытые окна. Ни один ласковый порыв летнего ветерка не оживлял перетруженное сердце. Ни один солнечный луч не мог ворваться в его убежище. Только экран телевизора продолжал слабо освещать комнату и бросать бессмысленные фразы, которые Леонид Маркович больше не слушал, погружаясь в раздумья. А раздумья эти были темнее беспросветности в погасшей квартире, тяжелее ее мрачного воздуха и горше собственных вредных фраз.

После смерти жены – его прекрасной и родной Зои – он решил, что запереться от мира будет справедливо. Ее не стало, и жизнь будто постепенно угасала вокруг: как гаснут с рассветом уличные фонари; как жужжит и перегорает подъездная лампочка; как, наконец, погибают дрожащие огоньки на фитилях догоревших вечерних свечей, невольно проливая капли воска на кухонный стол через края переполнившихся подсвечников. Без нее погасло все. А остатки, даже тонко уловимые светлые лучики надежды, Леонид Маркович ежедневно гасил собствен-

норучно, потому что глубоко в душе не мог допустить, что она больше не радуется жизни, ее голос и смех не звучат в квартире, а он несправедливо продолжает жить.

«Какой смысл продолжать путь, если больше некого держать за руку? Не за кого держаться и не кем быть одержимым?» – размышлял Леонид Маркович. Ежедневные заплывы в собственные горькие размышления убедили его в том, что он теперь совершенно никому не нужен: жена умерла; после выхода на пенсию бывшие коллеги даже не вспомнили о его дне рождения; сын постоянно был занят на работе и не находил ни дня, чтобы навестить отца, а беседы невестки сводились лишь к неприятным разговорам о продаже квартиры. Несправедливо не стало их с Зоей некогда теплого и уютного гнезда, оказавшегося нынче бессмысленным сплетением соломинок и веток, задетого ладонью судьбы, как если бы человек прикоснулся к птичьему дому, обрекая тем самым его пернатых жителей на гибель.

Смысла больше не было ни в чем, и он просто хотел, чтобы его оставили в покое, а сама старость наконец пересчитала отмеренную ему вереницу дней и выдала билеты в последний ряд, ближе к выходу.

Леонид Маркович снова поднялся. Кресло под ним удивленно скрипнуло, будто сверчок протянул ноту к ре-диез верхней октавы. Он подошел к окошку, чуть раздвинул коричневые занавески и выглянул из воображаемого укрытия. Двор, будто начищенная медная монета, отражал и рассеивал солнечный свет, отправляя его обратно в просеянную небесную синь. Жизнь закручивалась и спешила освежающими струйками ветерка между ветками и пыльными листьями дворового карагача; застревала под шуршащими шинами и выпрыгивала из резкого сигнала велосипедного звонка, когда оголтелые подростки врывались и проносились по тротуару, будто пираты на двухколесных кораблях; приостанавливалась и замирала на миг, поглощенная теплыми ладонями щечки спящих в колясках малышей и поправляя растрепавшиеся прядки волос их замученных бессонницей и тревогой матерей; бежала вслед за машинами; бросала лучистую улыбку на бредущую от магазина пожилую пару, которая, держась за руки, радовалась благородному уважению во взглядах окружающих и этому кроткому и хрупкому мигу, – жизнь звучала отовсюду! Ее звонкий оркестр струился, набирал мощь, акцентировал литаврами и звонкими трубами каждого прохожего, будто особенного героя посреди многослойной пьесы, оповещал, что финал неизвестен, а потому не наступит никогда...

И только для Леонида Марковича все давно было ясно и обычно. Взгляд его задержался на автобусной остановке. Он знал, что Алла и Тарас давно уехали, причем не на автобусе, а на собственном авто, но каждый раз задумчиво осматривал изрисованную граффити беседку и грязную, местами подпаленную лавку внутри нее. Как только подъехавший автобус проглотил очередную порцию пассажиров и умчался, с козырька беседки слетелись голодные пичуги и окружили мусорный бак. Мальчик лет пяти, напомнивший Леониду Марковичу внука, подскочил к птичьей стае, азартно загребая ручонками пылинки, кружащиеся в воздухе. Он попытался поймать птиц, но неуклюже и смешно растянулся на земле. Женщина – вероятно, его мама, – всплеснув руками, поспешила поднять мальчонку и, отряхивая его колени, долго отчитывала сына за неряшливость и неуклюжесть.

Леонид Маркович вспомнил детство...

Они с матерью так же стояли на этой остановке, когда, нагостившись за чаем у бабушки, возвращались домой. Тогда он мечтал, чтобы автобус сбил с маршрута, застрял в липких суглинках придорожных обочин или сломался где-нибудь на середине пути и никогда не приезжал. Только зимой, когда варежки уже не спасали заледеневшие пальцы, а выюга злилась так сильно, что с размаху залетала за воротник и выворачивала околевавшую душу наизнанку, – только тогда он мысленно, совсем тихонечко просил автобус поторопиться. В остальное время маленький Леонид знал, что дома их с матерью ждет пьяный отец, и жизнь была схожа с полем боя. Выиграть и взять перемирие не получится; по правилам, установленным главой семейства, нужно просчитывать события наперед и обдумывать слова и

шаги, чтобы ненароком не подпалить фитиль и не затронуть механизм, приводящий в действие опасную игру. Хорошо бы в такие минуты становиться мебелью, или пылью на верхних полках шкафов, куда никто никогда не заглядывает, или картиной, что висит в прихожей и давно не привлекает ничьих взглядов, разве что только тусклый желтый луч настенного светильника обреченно падает и цепляется за ее края. Хотя и мебели порой доставалось не меньше: от разбитого зеркала остались только криво вбитый гвоздь да пятно в форме вытянутого овала на выцветших обоях; тонкая шея настольной лампы была перемотана втушительным слоем изоленты, но такая починка вовсе не шла ей на пользу – ее бумажный абажур все равно клонился набок; сколотую ручку фарфоровой вазы повернули к стене, чтобы не привлекать внимания к трещине и полученному изъязу, но домочадцы все равно знали ее секрет; да и потихоньку исчезающие подаренные бабушкой хрустальные блюда и расписные тарелки опасливо выглядывали из серванта далеко не в ожидании праздника.

Чуть повзрослев, Леонид сбегал к бабушке. Убегал из дома в разгар пылающих родительских ссор; убегал после школы, не заглянув домой; убегал днем или посреди ночи. Тогда в дом бабушки, где его ждали уют, тишина и безопасность, он шел пешком, минуя автобусные остановки. Мерз, торопился, ниже опускал голову, стыдясь душивших его слез. Он опасался, что однажды бабушки не станет и приют добра, света и любви, созданный ею для внука, исчезнет.

Бабушки не стало так же внезапно, как и его детства. Единственный луч надежды и радости померк, но голос внутри упрямо твердил, что сдаваться неправильно. Он остался жить в ее квартире, пообещав себе, что решится однажды и избавит мать от ее единственной вредной привычки – зависимости в отношениях с тираном...

Дверной звонок напоминал дребезжание эмалированных крышек на опустевших кастрюлях, которые повариха везет на тележке по длинному коридору детского сада после раздачи каши по группам, – ничего более раздражающего в этой тихой квартире и придумать нельзя было.

– Кто там? – вырванный из воспоминаний, возмущенным тоном выкрикнул Леонид Маркович, нарочито неторопливо направляясь к двери. – Кто там? Кто?..

Он посмотрел в глазок, сощутив второй глаз так, что верхняя губа его, обнажив вставные зубы, уехала вслед за собравшимися тугими морщинками в уголках глаза. Опасливо открыв дверь, Леонид Маркович вздрогнул от неожиданности, как только тишину разорвал сильный юношеский голос:

– Здравствуйте. У нашей компании для вас уникальное предложение: мы – лучший интернет-провайдер, и в этом месяце подключение со скидками до семидесяти процентов! Подберем подходящий для вас тариф вместе? Желаете оформить подключение со скидкой?

Паренек в ярко-красной кепке и с театральной улыбкой от уха до уха протараторил заученный текст, демонстрируя веер из ярких листовок. Держался он до идеальности ровно, расправив плечи и подняв подбородок, чеканил с задором и воодушевлением, будто участвовал в отрепетированной для утренника сценке.

– Чего? – рыкнул Леонид Маркович, недружелюбно и непонимающе оглядывая парня с ног до головы, и, опомнившись, добавил: – Убирайся вон, аферист проклятый!

Не желая больше слушать рекламщика, он тут же захлопнул дверь и еще минуту разглядывал ошарашенного и удивленного парня в дверной глазок, а когда тот ушел, снова запер ее на три оборота ключа.

Леонид Маркович вернулся в комнату и собирался снова усестись в любимое кресло. Из квартиры соседей снизу донесся гул, отдаленно напоминавший смесь пения, рычания и перегуды дорожной техники, который ударялся в пространство грязными басами, покрытыми пеленой шипения не вытягивающих давления колонок. Музыка, которая, по мнению Леонида Марковича, и музыкой-то не была, заглушала даже звуки его телевизора. Он скривился, осуж-

дающе цокнул и, покачав головой, схватил заранее подготовленный и лежащий на окне черпак. Настойчивые техничные удары по батарее в который раз напомнили соседям, что они портят жизнь окружающим в лице одинокого, чествующего покой и тишину старика. Динамики снизили громкость до приемлемого уровня децибелов, а Леонид Маркович отправил стальной черпак обратно на окно, немного помедлил в ожидании и раздумьях и направился в соседнюю комнату к телефону.

Он снял затертую трубку, оттянул в сторону перекручивающийся закольцованный провод, вытащил визитку из-под ножки округлого корпуса и набрал указанные цифры.

– Сектор «Приз» на барабане! – яростно прокричал ведущий телешоу, будто не для его участников, а для самого Леонида Марковича.

– Надо было выключить, перед тем как звонить, – укорил себя он, но тут же осекся и изменился в голосе, потому что гудки вдруг вытеснились внимающей тишиной поднятой телефонной трубки. – Аллю, Петр? Петр Семеныч?

Где-то на другом конце провода раздался положительный ответ и чересчур вежливое приветствие, по интонации граничащее с похвалой.

– Это Леонид Маркович. Узнал? Хорошо-хорошо. Согласен я на твою сделку. Раз продать не получается, давай обмен.

Леонид Маркович давно обдумывал предложение Петра и разные варианты и не ожидал, что разговор вдруг выльется в его положительный ответ. Будто пора было сделать выбор, потому что беседа затянулась до невежливой паузы, и ему пришлось выхватить первое попавшееся на пути решение. Бинго! Маятник запущен. Назад никто уже не отступит, потому что приличные люди обычно хорошо взвешивают и обдумывают, а что решат, то верно в любом случае и подкреплено весом их глубокомысленных умозаключений.

Обрадованный новостью Петр обещал, что подписи будут заверены сегодня к восьми, а уже завтра утром Леонид Маркович сможет со спокойной душой отправляться в новый дом.

Леонид Маркович и сам давно мечтал продать квартиру и перебраться поближе к сыну и внуку, вот только когда эта идея прозвучала из уст невестки, он запротестовал. А когда план о переезде дополнился деталями и перетек в обмен на студию, Леонид Маркович и вовсе погряз в недоверии.

Зато бывший одноклассник его сына Петр подвернулся на пути вовремя. Обещал помочь с продажей старой квартиры и выбором новой, расписывал сказочное житье-бытье и рекламировал особенно подходящие из своих проектных буклетов, где пожилые люди наслаждались жизнью в сказочных ЖК, с охраняемой территорией, окруженной высокими заборами. Старики вдыхали медовые ароматы бархатцев, украшающих клумбы, и сладковато-ореховые запахи амарантов, обрамляющих тонкие дорожки, будто искрящиеся фейерверки среди ровного газона. Буклетные пенсионеры любовались и не могли нарадоваться на резвящихся ребятишек на детской площадке, смотря в их сторону с лучистыми улыбками. Правда, покупатель все не находился, и тогда Петр предложил отличное и выгодное решение – обмен. Ближе к детям в таком случае, конечно, не поселишься, зато можно забирать внука на каникулы. Да и соседи не потревожат. Вообще никто не потревожит – тихо, спокойно, как и хотелось Леониду Марковичу. Лучший вариант.

В подробности он не углублялся – Петру доверял с каждой встречей и каждой беседой все больше. Хороший все-таки человек. Помогать вызвался, искал, перебирал варианты. Да так активно, рьяно! В конце концов заверил, что хозяйка дома когда-то жила в Италии и страстно полюбила всю эту красочную пышность, вот почему дом ее пропитан духом этой страны, сказочно красив и очарователен. Настоящий островок вкуса и изящества – чего еще желать в старости. А вокруг маленькое селение, где и людей-то почти нет, – тишь да гладь, божья благодать.

– Сядете в кресло-качалку на террасе, будете попивать крепкий чай и под пение птиц читать газету. Сказка же, дядь Лёнь, – расписывал Петр при встрече, размахивая рукой, будто указывая цветущую дорогу вперед.

Рано утром довольный свершившейся сделкой Петр ждал Леонида Марковича у подъезда. Он собственноручно, будучи человеком не только слова, но и доброго воспитания, помог ему – заказал билет, отвез на вокзал и посадил на поезд. Леонид Маркович не привык тушеваться и отступать и поэтому не решился возражать, к тому же самая сложная часть его переезда была подготовлена за него. Накануне вечером он собрал пару чемоданов, взял документы, скопленные деньги и фотокарточку из стеклянного шкафа. Утром начистил до блеска старые туфли, на коже которых местами пролегли трещинки и заломы. Надел парадный костюм. Позавтракал бутербродами, оставшимися после ужина, на скорую руку нарезал однообразный перекус в дорогу и отправился навстречу спокойной старости.

Смотря в окно отбывающего поезда, он наблюдал, как счастливый Петр машет ему рукой, вероятно желая показать, как сильно рад за него; как медленно уплывает привокзальная площадь, оставаясь далеко позади; как поезд набирает и уравнивает скорость, вымеряя ее проносимыми деревьями, полями, озерами. Казалось, все случилось так стремительно, что Леонид Маркович даже не успел опомниться, и в его памяти застыл лишь момент, когда он еще только набирал номер Петра и слышал первые монотонные гудки в трубке.

Удивительно, как к старости мы становимся доверчивы к хватким и ловким на слово посторонним. Отвернуться не успеваешь, а этот самый посторонний уже заботливо держит тебя под локоть, перебирая в руках увесистую и бренчащую связку ключей, которые из его фальшивых уст именуются ответами и условиями – благостными для тебя. И он непременно знает, как надо поступать. И улыбка, сопровождающая безупречно струящуюся речь, широкие, наполненные радостным участием жесты, уверенно-добрые взгляды – все кажется заверением, печатью и побуждением к твоему согласию на любые проговоренные условия. Ты будто становишься ребенком, которого ведут за руку. Но протянутая тебе ладонь не всегда означает, что лучший исход в этой композиции великолепия чувств и театральных поклонов предназначался для тебя. А когда спектакль закончится, главного участника вежливо, терпеливо и с легким упрёком попросят удалиться.

Глава 2

«Немного за городом» оказалось не совсем верной формулировкой. Хотя, быть может, таковы проделки старости: бессилие и желание поскорее добраться до мягкого кресла, оказаться подальше от людей, их суеты и шума. Укачивающие движения поезда немного успокаивали нахлынувшее волнение, но снующие туда-сюда пассажиры снова разбивали мысленный защитный купол.

Трехчасовая поездка на поезде вылилась в недолгую тряску в душном автобусе, а потом в завершающую прогулку по абсолютно новым, цветущим и зеленеющим, каким-то диким просторным местам. Пройти нужно было совсем немного, если верить распечатанному и дорисованному Петром маршруту. Улица вела по прямой, сворачивала и огибала зеленые островки посреди песчаного и пыльного полотна, виляла неровной дорожкой, путалась в заросших травой полянах, расстилалась ковром из одуванчиков между двумя скромными рядами домов и снова уходила куда-то прямо, утыкаясь в заросли бесконечных деревьев, кустарников и трав...

* * *

– Ну и дыра, – присвистнув, заметил помощник Петра.

Не снимая обуви, они вдвоем прохаживались по квартире Леонида Марковича, изучая каждый сантиметр.

– Нормальная квартира, – бросил ему Петр, щелкая кнопку медной настольной лампы с узорами-завитками и бархатным потертым абажуром. – Планировка шикарная. Четыре просторные комнаты, считай, задаром. Легкий ремонт – и жилье станет золотым. – Он оглядел полки со статуэтками и добавил еле слышно: – А весь этот хлам порадует местную антикварную лавку.

– За сколько взял? – спросил коллега, расшторивая широкие окна.

– Обменял на бабкин дом. Все равно покупателей на него найти не мог. А бабка давно в город перебралась... Дом-то неплохой, коттедж... Уход только нужен. Но в эту глухомань никто ехать не хочет.

– Ну ты хват, – качая головой, похвалил коллега. – А где дом-то?

– В Сагибово, – с презрением фыркнул Петр. – Местные власти обещали возродить, вложиться в село, развивать, а потом все накрылось... Зря только землю выкупали и дом строили. Планы у меня кое-какие были. – Будто не коллеге, а себе он совсем тихо добавил: – Хотел бизнес кое-какой там замутить, но не вышло...

Коллега покачал головой, восхищенный ситуацией и хитростью Петра. Он поглядывал на него и снова шарил глазами по уставшему, но уютному интерьеру.

– Ловко же у тебя это выходит. Я даже завидую немного. Хорошо, когда язык подвешен. И идут же к тебе эти старички и старушки, ну ты глянь!

Петр делал вид, что не замечает зависти. Сияющий и воодушевленный, он оставлял в планшете скорые заметки, которые должны были превратиться в план ремонта и преображения квартиры. Мысленно распоряжался каждой фигуристой табуреткой и лакированной тумбой,

каждой старой книгой на полке и ажурной салфеткой под вазами. Оценивал добро, выпирающее из тугих боков платяных шкафов. Расставлял по правилам моды и дизайнера кривоногие столики, диваны и большое кресло, возглавляющее мебель зала. Хотя нет, от кресла, пожалуй, пора избавиться.

– Замок смени, – скомандовал он помощнику, проверяя розетки и выключатели. Коллега кивнул и отправился в прихожую.

* * *

– Ну и дыра, – прохрипел Леонид Маркович, стоя за забором и не решаясь войти. – Неужто в Италии такое уныние.

Пока длилась его неторопливая прогулка по тропе, ведущей к новому дому, с остановками, чтобы осмотреться и еще раз изучить карту, он немного пришел в себя. На свежем воздухе прилив сил чувствовался особенно хорошо. Да и аппетит разыгрался, хотя Леонид Маркович давно не замечал за собой ничего подобного: ел он мало, радости от еды не испытывал и довольствовался скромным и однообразным меню. Это почти всегда были полуфабрикаты и быстрые обеды для микроволновки.

– Вы чего? Заблудились? В гости к кому-то приехали?

Высокий плечистый парень неожиданно окликнул Леонида Марковича, напугав его. Голубоглазый, с зачесанными ежиком русыми волосами. С одной стороны, он страшил своим чересчур спортивным телосложением, а с другой – казался добрым и немного смешным из-за торчащих ушей.

– Сам ты заблудился. Домой я приехал. Городскую квартиру на дом этот обменял. – Леонид Маркович схватился за чемоданы и поскорее перепрыгнул деревянный порожек, пихнув беззащитную калитку. Та, будто зевнув, скрипнула и поползла обратно.

– А, так вы новый жилец? – радостно пробасил парень. – Ну и отлично. Хоть дом в порядок приведете, а то столько простаивает зря, травой вон весь двор порос. Мрак, одним словом. Да вы не переживайте, обращайтесь, если что нужно будет. Село у нас маленькое, зато дружное. Завсегда поможем.

Парень, нависая над калиткой, протянул Леониду Марковичу ладонь.

– Гера, – представился он. – Я тут местный доставщик.

– Кто? – уточнил Леонид Маркович, будто сощуриваясь от яркого света.

Помешкав и не протянув ему руки в ответ, он принялся отцеплять пестрые шарики репейника, повисшие на его штанинах.

– Ну, доставщик. Магазинов у нас тут нет. Единственный киоск был – и тот хозяева не вытянули. В город добраться тоже проблемка. У меня в Сагибово у одного уазик на ходу. Я обхожу дома два раза в неделю, собираю списки, кому что понадобилось: продукты, лекарства, по мелочи тоже привожу – подрабатываю на доставке. Теперь и к вам заглядывать стану. Так как, вы говорите, вас зовут?

– Я не говорил, – буркнул Леонид Маркович, не желая знакомиться с назойливым прохожим.

Но Гера все с той же светлой улыбкой, будто и не задетый недовольным тоном, смотрел своими иссиня-прозрачными глазами, заставляя Леонида Марковича чувствовать неловкость за собственные недружелюбность и грубость.

– Леонид Маркович, – сдавшись, буркнул он в ответ, протягивая морщинистую ладонь. – А Гера – это что же, Геракл, что ли?

Он снова оглядел паренька с ног до головы – богатырская стать его внушала незатейливую мысль о подвигах и олимпийских свершениях. Парень же без тени обиды улыбнулся одним уголком рта и с прежней приветливой интонацией ответил:

– Нет, конечно. В школе так звали, вот и прижилось. Из-за фамилии – Герашенко. А так меня Федором звать. Ну, приятно познакомиться, дядя Лёня. Еще зайду к вам.

Гера махнул рукой и поспешил по тропинке, спускающейся к соседнему дому. Леонид Маркович хотел было возразить что-то на невежливо брошенное в его сторону «дядя Лёня», но от растерянности не успел: Гера пропал за пышными кустами колючего шиповника и переплетающимися ветвями ив.

Леонид Маркович рассеянно огляделся, будто осторожно приоткрыл дверь в неизведанное, опасаясь впустить мысль, что теперь он вдаль от городского шума и беспокойства. Встретивший его дом выглядел мрачным и неухоженным, но широким и добротным, раскинувшим внушительные бока по обе стороны; полукруглое крыльцо его было обращено в сторону леса. Двор порос травой, кустарники и цветы иссохли и спутались, переплетаясь в тусклый венок. Леонид Маркович оглядел одинокое устройство никем не любимого дома и почувствовал с ним необъяснимое родство и единение – то ли понимал это место, как себя, то ли... Ну нет, он и допустить не мог мысли, что придется потрудиться, вместо того чтобы сидеть объатым полудремой в кресле-качалке.

Он запнулся о проржавевшее ведро и чуть не упал. Ведро загремело, покатилося в сторону и наполнило двор шумом, будто оповещая все вокруг, что пришло время воспрянуть и вернуться к жизни. Или хотя бы приветственно выглянуть и поклониться, на худой конец.

– Тьфу ты! Ржавая рухлядь! – выругался Леонид Маркович, проводив грохочущую утварь недовольным взглядом, и поднялся по каменным ступеням высокого крыльца.

Колонны, придерживающие резной козырек, были оплетены погибшими ветками вьющегося клематиса, теперь уже высушенного солнцем и напоминающего гирлянду из каменных звездочек.

Леонид Маркович снова поставил чемоданы и порылся в нагрудном кармане пиджака. Длинный медный ключ лежал в его ладони. Дом ждал, когда новый хозяин оповестит тишину комнат о своем прибытии.

Зачарованно оглядев массивную лепнину, Леонид Маркович провел рукой по объемным узорам, обрамляющим верхнюю часть двери, смахнул налипшую паутину, покрутил круглую янтарную ручку и вставил ключ в замочную скважину.

Не успел он проверить его, как за спиной послышалось надрывное и протяжное «мя-ау». Леонид Маркович вздрогнул и обернулся. Худощавый трехмастный кот в нетерпении ожидал приглашения, заискивающе дергая головой в попытках разглядеть путь в дом.

– Мя-ау, – нагло протянул кот еще раз, глядя на Леонида Марковича с явным осуждением за нерасторопность.

– Что за пакость, – возмутился тот и попытался прогнать пятнистого нахала. – Тебе чего здесь надо? Кыш! Брысь отсюда! Пошел, пошел!

Кот пригнулся, увернулся, спрыгнул с крыльца, но, как только Леонид Маркович открыл массивную входную дверь, пулей влетел в дом и затерялся в его коридорах.

Внутри дом выглядел даже просторнее, чем казался снаружи. Новый хозяин замешкался на пороге, осматривая покрытые мраком очертания длинных рядов книжных шкафов, закрученной лестницы и резной деревянной мебели. Ему неожиданно захотелось крикнуть что-нибудь в эту темную даль, чтобы услышать эхо в ответ, но он подавил безрассудный до неприличия порыв.

Леонид Маркович пошарил по стене в поисках выключателя, который почему-то оказался внизу – прямо под рукой, а не сверху – на уровне глаз, как он привык. Свет был включен. Кот мяукнул, уверенно проносясь куда-то мимо книжных шкафов, будто хорошо знал этот дом. А дом молча смотрел на Леонида Марковича, и оба словно не знали, что делать дальше и что сказать друг другу в эту негаданную для них минуту.

Наконец Леонид Маркович успокоился, решив, что сейчас ему нужно перекусить и прилечь отдохнуть. Хватит на сегодня приключений, он устал еще в поезде. Ему непременно нужны бутерброд и крепкий сон, а уж потом он решит, с чего начинать знакомство с новым местом.

Леонид Маркович осторожно зашагал на кухню, прислушиваясь к поскрипыванию половиц. Большой холл не имел перегородок и с одного бока плавно перетекал в просторную кухню, а с другого – в комнату с книжными шкафами и полками, упирающимися в самый потолок. Книг, как Леонид Маркович заметил сразу, здесь было на удивление невероятно много. Они отдыхали на полках, стояли ровными стопками в углах стен, покрывали тумбы и комоды неряшливыми кучками, на тахте или кресле виднелся недочитанный томик с выглядывающей из него закладкой, на подоконнике под цветочным горшком возвышалась стройная пирамида из тяжелых справочников в твердых переплетах, на кухонном столе на широкой деревянной подставке, напоминающей мольберт, лежало три романа в мягких цветных обложках, каждый из которых был раскрыт примерно на середине.

– Этот дом что, принадлежал чокнутому библиотекарю? – растерянно заметил Леонид Маркович, закатывая глаза. – Надеюсь, это не заразно.

Он добыл кружку в одном из кухонных шкафчиков. В декоративном чайном домике, расписанном розами и больше похожем на скворечник, даже нашлось несколько пакетиков с бергамотом и черным цейлонским. Леонид Маркович вскипятил чайник и достал из чемодана пластиковый контейнер. Уставшие от жары бутерброды из золотистых тостов и тонко нарезанного сыра дождались своего часа.

Наглый питомец мяукнул и, спрыгнув откуда-то с верхних полок, приземлился на стул в тот момент, когда новый хозяин принялся за перекус. Кот театрально облизнулся, рассматривая, как Леонид Маркович усердно пережевывает размякший в закрытом контейнере хлеб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.